

Павел Синельников

БУНТ СЛАБЫХ

СТИХИ

Санкт-Петербург
2015

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
С38

*Литературный фонд
«Дорога жизни»*

*Общество «Молодой Петербург»
при Союзе писателей России*

*Редколлегия «Молодого Петербурга»
благодарит Ханты-Мансийский Банк
и лично Дмитрия Мизгулина
за помощь в издании этой книги*

Синельников, П. А.

С38 Бунт слабых : стихи / Павел Синельников ; СПб.
Литературный фонд «Дорога жизни», Общество
«Молодой Петербург». — СПб. : «Реноме», 2015. —
48 с. : ил.

ISBN 978-5-91918-683-0

В книге раскрываются темы потерянности, онтологической бездомности современного человека, мучительного поиска правды в самом себе и в мире вокруг. Композиция книги образует как бы рассказ о жизни и мировосприятии лирического героя — героя подчеркнуто обыкновенного, и именно потому имеющего право говорить от имени поколения.

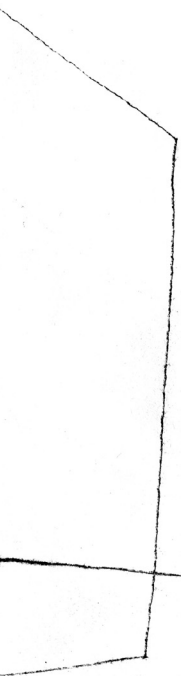
УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

Ограничение по возрасту 16+

ISBN 978-5-91918-683-0

© П. А. Синельников, 2015
© Литературный фонд
«Дорога жизни», 2015

БУНТ СЛАБЫХ

Я пустым переулком пройду,
Плохо выбрит, опять во хмелю...
Что поделать — с весной не в ладу;
Я весной этот мир не люблю.

И в тисках у сезонной тоски,
Не вникая в затасканность тем,
Я читаю плохие стихи
Не о том, и не там, и не тем.

Вот так живёшь, как будто понаслышке
Узнал про жизнь от всяких дураков...
Но выйди в ночь. Смотри: деревьев вышки;
На тёмном небе вата облаков.

Им ветер придаёт случайный вектор,
Они — беспрекословные — летят.
И видишь — в небе плещется прожектор,
И лампочки стоваттные горят.

Живи, живи, но помни, что на свете
Всё неслучайно: эти небеса,
И эта ночь, и лампочки вот эти,
И облаков пустая полоса.

Случайно только сказанное слово
Что вдруг застынет на твоих устах...
И эта жизнь, в которой всё не ново,
И эта смерть, которая проста.

...и жизнь покажется короткой, как халатик
на медсестре.
Вот ты в палате, шепчешь тихо: "Хватит",
Но боль острее.

Ты сочиняешь сердцу мантры стоном:
"Стучи, стучи".
Кардиограмма в ритме похоронном.
Придут врачи.

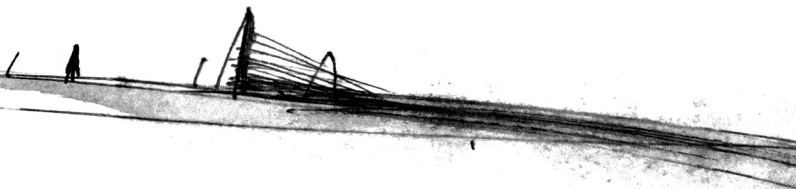
В стационаре никакого толку
да не узрят.
И предрекут, что жить ты будешь долго,
но, в общем, зря.

Что ж, собери нехитрые пожитки:
лекарства, чай...
Печать на эпикризе: "Будет жить". И
Домой езжай.

И ты поверив в то, что всё не шутки,
Что всё — не сон,
Замёрзни в заблудившейся маршрутке.
И всё.

Крайний лист в тетрадке клетчатой —
и закончится тетрадь.
Год прошёл, а вспомнить нечего,
И не надо вспоминать.

Это лишь дневник доверчивый,
В нём — словесная руда...
Год пройдёт, а вспомнить нечего...
Как всегда.

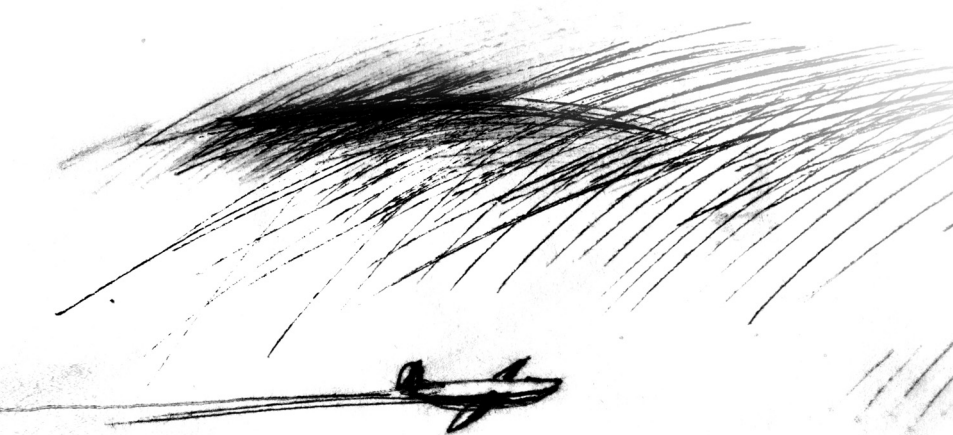
Читалось неприметно между строк:
“С Варшавского... сегодня... в полвосьмого...”
Сажу на кухне, пью вишнёвый сок,
Поскольку в доме ничего спиртного.

А думал — без неё не стоит жить,
Что вмиг познаю тишину погоста...
Герань на кухне надо бы полить.
Она ушла. Так буднично. Так просто.

Время тебя пожирает стозубым ртом.
Слышен рефрен омерзительный: скоро, скоро...
Но эти люди приходят в твой скучный дом,
И с ними вино и нелепые разговоры.

Только запомни (не радуясь, не скорбя):
Радость общения — только на час награда...
Всякие люди проходят мимо тебя.
Не останавливай их. Не надо.

И хочется выжить, чтоб видеть вот это хотя бы:
Холодный, простуженный город, возможно октябрь.
Дождит. Вечереет. Проспекты пестрят фонарями.
Метро, что не вечер, щетинится злыми локтями.
И я — неподвластен толпе и капризам стихии.
И ты под зонтом. И глаза твои очень сухие.

Можно ещё закурить сигарету, сесть на крыльцо,
Имя её — уходи, уходи! — не говорить никогда.
Не запомнить, и далее не вспоминать лицо;
Бог если даст, никогда не вернуться сюда.

Можно ещё написать пару книг, пересечь мировой океан,
Высшее номер два получить, воспитать дочерей.
Можно вот этот наполнить и опорожнить стакан,
Дабы обыденность выглядела бодрей.

Можно хотя бы в лихой суматохе дней
Быть для людей человеком, и другом — друзьям.
Только остаться хотя б ненадолго с ней
нельзя.

Вечер наступает неожиданно
На квадрат немытого окна.
Мне не зря на этот вечер выдано
Полбутылки крепкого вина.

Пью вино, в окно смотрю внимательно,
Где на всю врубив турбонаддув,
Самолёт взлетает нарицательный,
Горизонт крылами зачерпнув.

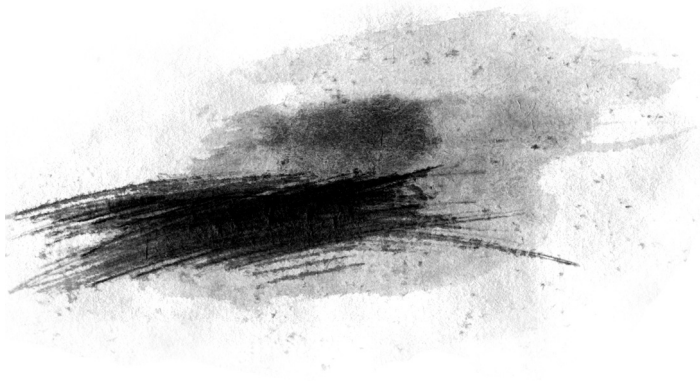
Ускоряют ход в турбинах лопасти,
И закон инерции храня,
Он несёт тебя с огромной скоростью
Далеко-далёко от меня

В край волшебный, где закаты сказочны,
Где небес чудесен колорит,
И мерцают звёзды, словно лампочки
Нить в которых скоро прогорит.

Там тебя укроет счастье волнами.
Здесь же всё, чему я в жизни рад —
Вечер, да бутылка вина неполная,
Да окна немытого квадрат.

Будут звонить с утра, говорить хорошее;
Долгих желать лет, любви, радости.
В день по-февральски слякотно-запорошенный.
Вряд ли из них кто-то знает, какого ты дна достиг.

Сяду итожить — а вспомнить за год нечего...
В церковь зайду — может год у него выклянчу.
Две по 0,5 в магазине возьму к вечеру.
Не позову никого. Телефон выключу.

Только смежишь веки, слышишь чудо,
Словно флейту кто-то взял в уста.
Музыка звучит из ниоткуда,
Музыка просторна и проста.

Еле слышный отзвук, что удача:
Только миг — и выскользнет из рук.
Кажется, так неумелый мальчик
Извлекает незнакомый звук

Из простецкой дудочки дешёвой,
И сияет неба бирюза
Над старинным городом портовым,
Где живёт он. Но открой глаза.

Время тишину мешает ложкой.
Ночь прохладна в доме номер два
По такой-то улице. Спит кошка.
Свет погашен.
Музыка мертва.

Сын собирает камушки на заливе,
Замок песчаный строит – башенка, три стены...
В эмалированной миске – немытые сливы
Соседкою принесены.

Сына убьют через двадцать лет на войне без названья.
На могилу ходить не станешь, повторяя: «Не мой, не мой».
Сливы приносит в эмалированной миске соседка Таня.
Некому есть, сколько не мой.

Выйдешь к заливу. Холодно и пустынно.
В замковых стенах волны промыли брешь.
Камушки гладкие тянут карман. Слезы стыннут.
Крепко к груди прижимаешь живого, живого сына:
«Там, на столе, в эмалированной миске. Пойди поешь».

Чёрной трещиной пролегла средь снегов дорога.
Ты в дороге этой невесть под каким предлогом.
Углый транспорт везёт тебя, заиндевелый весь,
Прошивая собой невесёлую эту весь¹ .

И куда он едет, тебя в себе увлекая?
Не туда ль, где заварена крепко тоска людская,
Где гноится тяжёлый город, что твой нарыв?
Там тебе умирать до семи, про обед забыв.

И ты сходишь с маршрута, не мешкая ни минуты;
Оставляешь разрыв дороги неровно гнутый.
Пассажирская колесница за поворот
Удаляется, затихает вдали... И вот

Проникает навывлет в тебя тишина сквозная.
И стоишь задумчиво, как поступить не зная:
Или в мире жить, как живут на земле все люди,
Или тут остыть. Потому, что уже не будет

Ни такого солнца, что смотрит подслеповато
Сквозь тяжёлые тучи, ни сахарной этой ваты
Белоснежной, ни льда, чьи сильны оковы.
Ни тебя такого. Ни мира — точь-в-точь — такого.

¹Весь – (устар.) деревня, село

И тот, который снег, который лёд
Нам ниспослал в полночную минуту,
Меня к себе никак не приберёт.
По крайней мере, не сегодня утром.

Сегодня утром сор моих следов
Просыплется на снег неровной прозой.
Перечит небу беспорядок слов;
И я в конце строки, как знак вопроса.

Невнятен слог и неразборчив след,
В душе моей сумятица и смута.
Но тот, кого мудрее в мире нет,
Не говорит со мною почему-то...

Бывает такое, что нужно из дома выйти
На улицу: в снег ли, в дождь ли, в другую не
Погоду, поскольку хочется в доме выть, и
Минорное соло играть на второй струне.

И стоит ли говорить, что в квартире душной
Все вещи тебе подпевают за упокой...
А просто бывает, что выйти из дома нужно.
Чтоб стало возможно когда-то прийти домой.

Говоришь: «В этом городе жизнь — постоянный стресс,
И единственное лекарство — уехать вдруг».
Вот уже ты встречаешь восторженно Херсонес ...
А меня добивает пасмурный Петербург.

Все лекарства от скуки испробовав от и до,
Я вернулся к тому, что лучшее всё же хмель.
Вот — в бокале твоём тёмно-красное бастардо.
У меня ж на бутылочной этикетке — гжель² ...

Ну и пусть там дешевле фрукты, и без пальто
Там всю осень гуляют, купаются в октябре...
Всё равно он не твой, этот ласковый Севасто...
Всё равно тебе ближе болотистый Сестроре...

Так что ты приезжай, не бери километры в счёт;
Расстояния нынче не властвуют над людьми.
Этот город безумно прекрасен, да только вот
Он пустой без тебя фантастически, чёрт возьми.

² Гжель – способ(стиль) росписи керамических, фаянсовых и фарфоровых изделий, распространённый в одноимённом регионе Подмосковья в XVII-XIX в.в.,. Здесь имеется ввиду популярная в конце 1990-х – начале 2000-х марка водки «Гжелка», этикетка бутылки которой была расписана «под гжель».

Завтра же сядешь в поезд, и нет дорог,
Есть полотно из времени и пространства.
Ты в полотне этом — точка. И если б мог,
Точкою этой хотел бы навек остаться.

Только спокойное время в твоём мирке.
Быстро закончилось. Нынче (помимо смеха)
Справлены документы, билет в руке
Грязный перрон вокзала...
Придётся ехать.

Дом на колёсах, и тени людей внутри.
Время в плацкарте чудовищно долго длится.
Старую память в альбоме достань, смотри,
Как выцветают со всех фотоснимков лица.

За полночь, тамбур. Ты снова начнёшь курить,
Зная, что повторится одно и то же:
В минусе ты. Папиросный огонь горит,
Мутный, как жизнь, что бесцельно и глупо прожил.

Стук затихает внезапно, и тряски нет.
Поезд взлетает — беззвучен, и тем ужасен...
Искорка папиросы в одном окне
Мчится по небу. Тускнеет. Мерцает. Гаснет.

Река. Причал. Полпятого, допустим.
В такое время дел особых нет.
С щемящею (читай — щенячьей) грустью
Смотри, как занимается рассвет.

Грусти о том, что всё имеет сроки.
И ты, прожив свои десятки лет,
Оставив чуть заметный, неглубокий,
По сути, никому не нужный след

Уйдешь. Светлеет небо над рекою;
Прилив стирает след; волнится плёс.
Ты слышишь, как в тиши рассветной воеет
Внутри тебя угрюмый черный пёс.

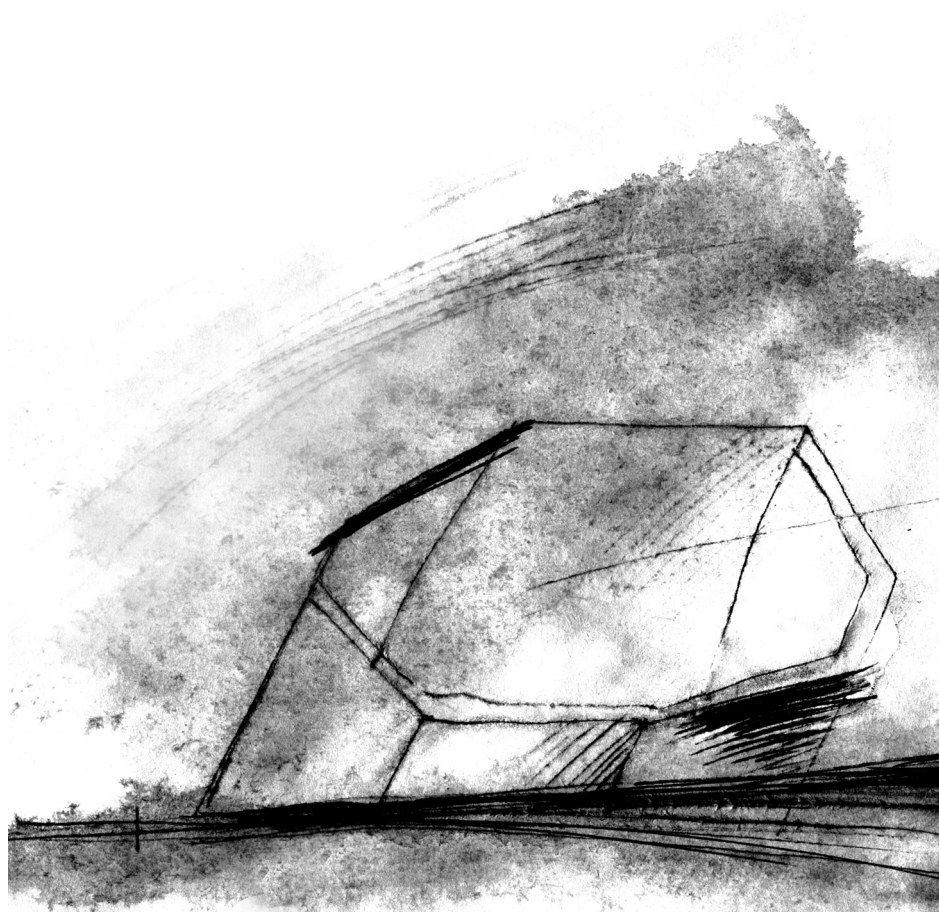
Это не мой дом — окна на свет слюдяные,
Крыша горбатая, двери раззявлен рот.
Над печною трубою столетние ивы согнули выи.
Крылья ворот.

Не выступает на камне прибрежном высол³,
Чаячьи крики над морем ветра не рвут.
Это не я там родился, обжился, собрался, вышел, —
Помяни, как зовут.

И не туда меня тянет судьба лихая,
Мне предстоит проходить по стезе другой.
Это не там пред могилой положат у самого края
Прикорнуть на часок-другой.

Но надрывается сном ледяная полночь,
Ложная память во рту солянисто горчит.
Воспоминания давят на грудь, что бурлачья помочь —
Нечем смягчить.

³Высол – соляной налёт, выступающий на камне, кирпиче или штукатурке под воздействием погодных условий: перепадов влаги и температуры.

Так о ком же зазвонит твой телефон — ни о ком.
Не бери, не набирай, тишины не тревожь.
Лучше слушай — ходит вечер-котофей под окном.
То ли правду про тебя мурлычет он, то ли ложь.

Что в той правде? Новостей неистребима тоска.
Что там ложь? Ты будешь радостен, успешен, любим.
Кот-мурлыка в дом царапается, мол, приласкай.
Бог с тобою, заходи; поговорим, посидим.

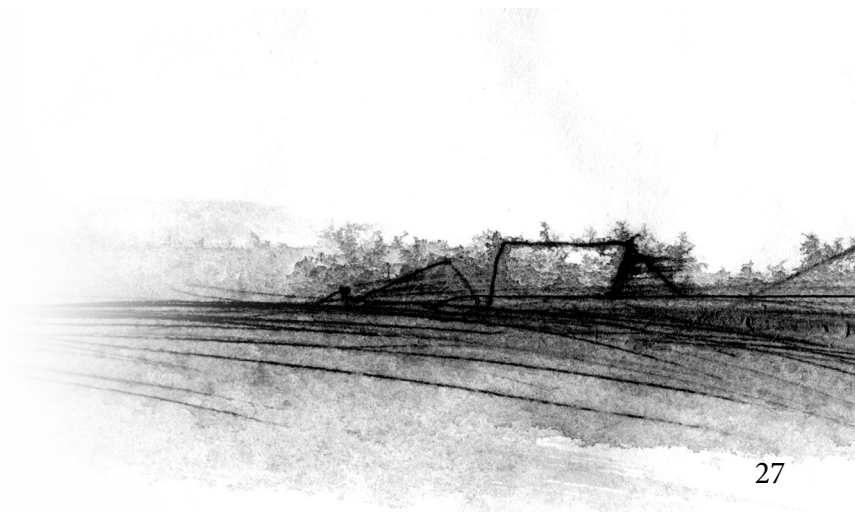
Значит, ночь. А электричеством ты пренебреги,
Говори себе всю правду, сам себе и перечь.
Вечер в душу по-кошачьи так глядит — не сбеги.
Не укроешься от взгляда. Да и свет не зажечь.

Так и будет: до утра ты за подсчётом утрат.
Кот заснёт себе. Тебя ж хороший сон не сманит.
Только холод одиночества — до слёз, до нутра.
И никто не позвонит.

Очевидно всё-таки одно
(да, тебе не о таком мечталось)
Жизнь твоя — дешёвое кино,
Скучный фильм в стилистике «артхаус».

Раскадровка чёрно-белых дней.
Звукоряд — тоска нелепых песен.
И финал трагедии твоей
Всем давно и хорошо известен.

Пригород. Замызганный ларёк.
На последний грош берёшь поллитру.
Собутыльник бьёт тебя в висок.
Кровь течёт. Экран темнеет. Титры.

Был бы, допустим, пилотом, сел в самолёт:
Тумблеры, кнопки, наушники. «Дайте добро на взлёт!»
Сколько-то времени в небе (надеюсь, без бед)
И прилетел бы к тебе.

Или, положим, матрос (капитан — это явно не я)
Первый на мачте с биноклем, кричу “земля!”
Входим без лоции в порт, концы на кнехты⁴,
А на причале — ты.

Или, пускай, машинист: мой состав покидает депо.
Электровоз заграничной породы по
Рельсам примчит на вокзал, даже в снег или в дождь
Ты на перроне ждёшь.

Но не возьмусь за штурвал, не сяду за руль авто.
Я остаюсь на месте, поскольку нигде никто,
Ни в одинокую ночь, ни при свете дня
Не ожидает меня.

⁴Кнехт – морской термин, обозначающий парную тумбу на палубе корабля или на причале для крепления тросов (концов) при швартовке

Это ещё оставляешь себе на память:
Улицу, выходящую из реки,
Омут подъезда, сада сухую камедь⁵,
Горечь строки.

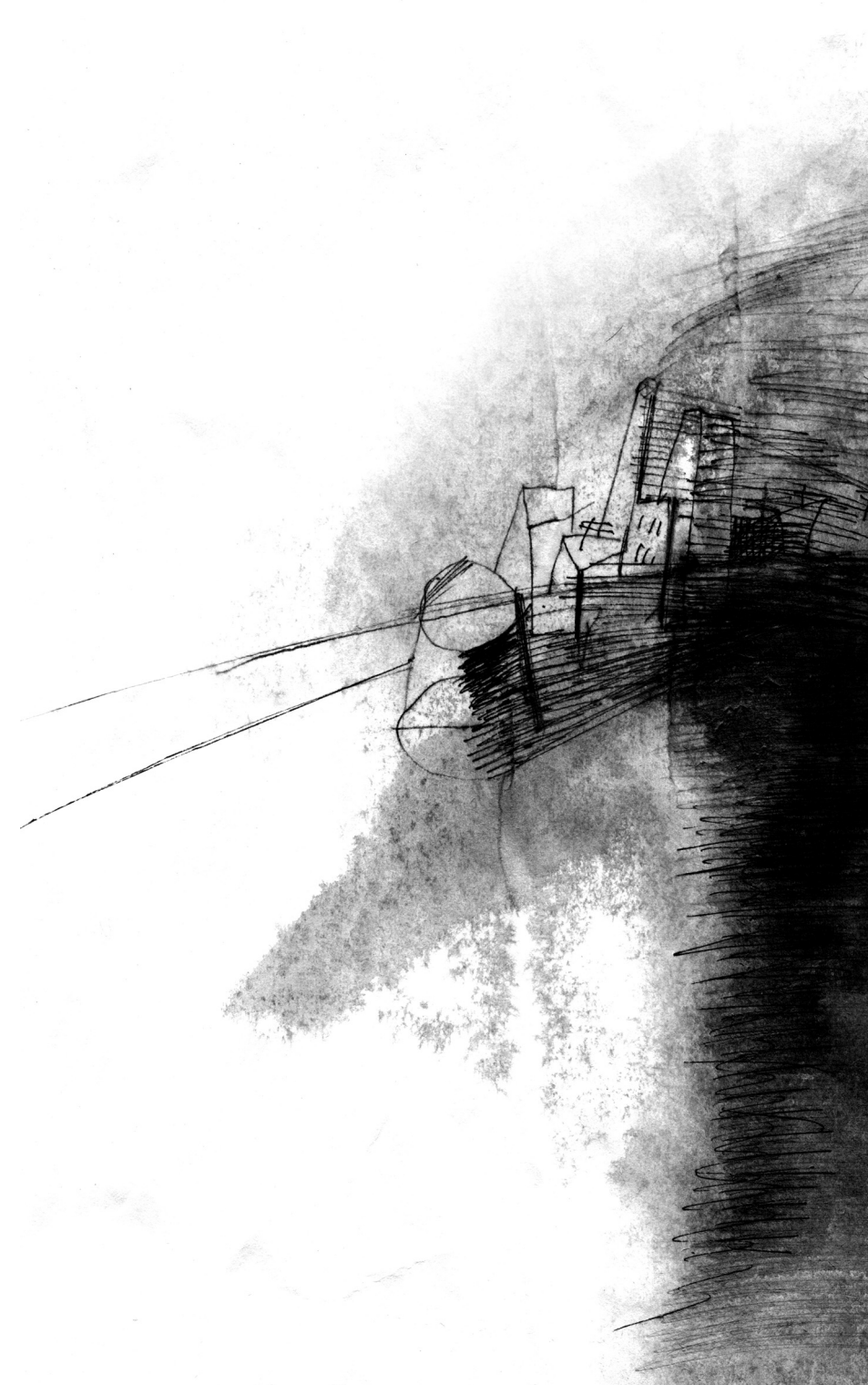
Всё это память старательно затирает,
Словно песками в пустыне заносит дом,
Словно фруктовый сад на корню усыхает...
Дай тебе бог никогда не узнать о том.

Что неживого сада кромешный омут,
Камедь подъезда, улиц неровный ряд,
Строчка реки, что подходит вплотную к дому —
Всё это помнит тебя.

⁵Камедь – густая, со временем кристаллизирующаяся смола, выступающая на стволах и ветвях некоторых деревьев, в частности на сливе, вишне, абрикосе.

В том краю, где к небу прирастает дым,
Из печи, что в каждом теплится дому,
Он живёт – немногословен, нелюдим,
И стихов не произносит никому.

Лишь порою он выходит на порог,
Папиросный дым свивать в тугую вязь.
И возносится к холодным звёздам вздох
На лету стихотвореньем становясь.

Третьего дня приходила вода – за волной волна,
Мутная и большая, и с нею смерть,
Медленная, но прожорливая, что война...
Город затем обезлюдел почти на треть

Дня не прошло, и на город пришёл огонь:
Город горел, словно в осень рябины куст;
Дым распростёр над домами свою ладонь...
После всего город стал вполовину пуст.

Ныне я трубы слышу, их зов суров,
Медь эту слышащий станет жестокосерд.
Вижу, что всякий на смертную брань готов.

Города больше нет.

Только спустя полста хлеба сухих краях
Правда ударит, что плеть о семи хвостах:
Многое неспроста в этом худом краю.
Многое — хорошо. Многое — просто так.

Собственно говоря, собственно, говори:
В этих широтах жизнь — вечный неурожай.
В логове сентября вызрели октябри.
Нечем тут дорожить. Стало быть, уезжай

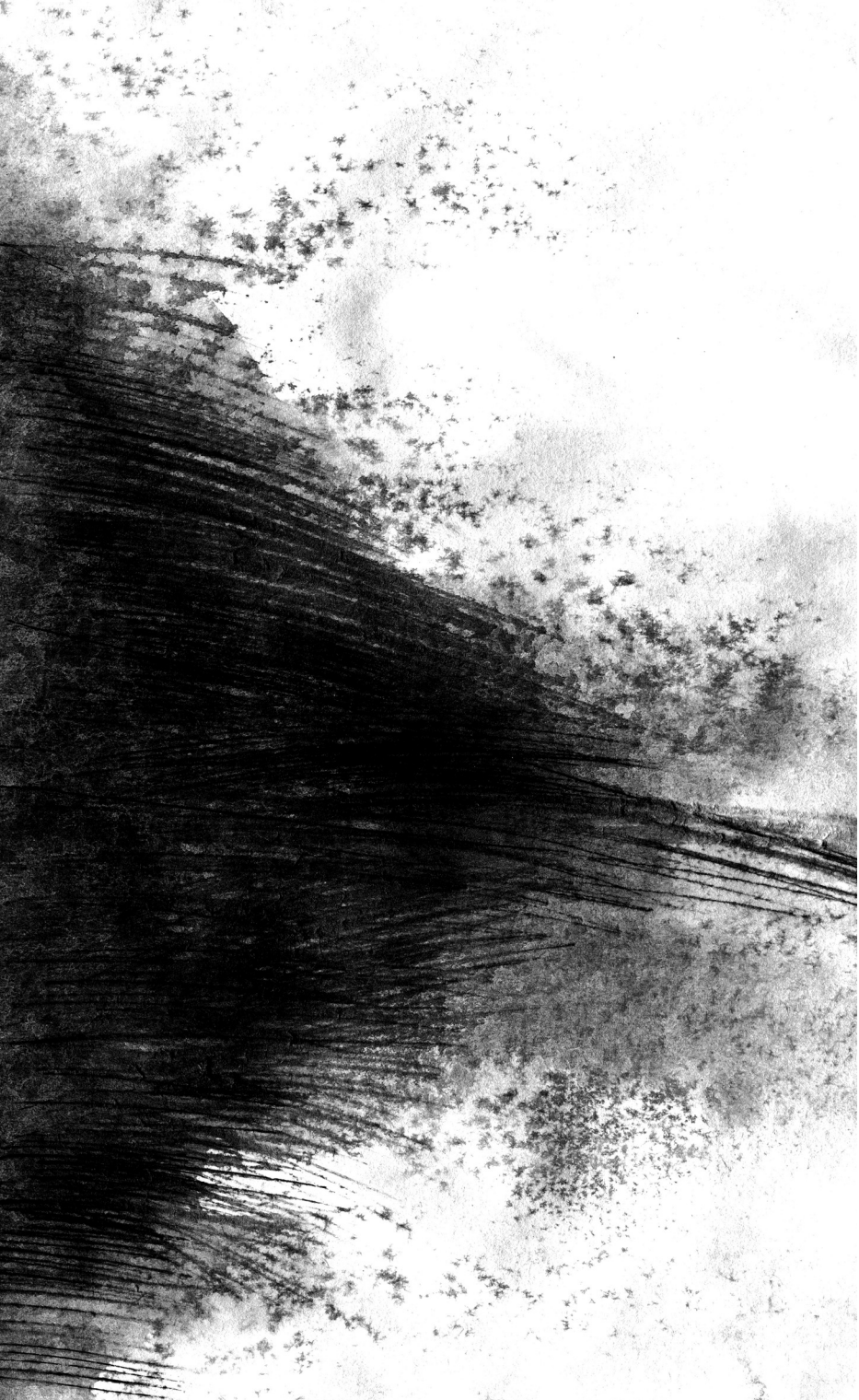
Собственно, в этом факт, собственно, вот он смысл:
В разноголосье правд только себе не лги.
Вот — пограничный трап. Вот — заграничный мыс.
Ты пред собою прав. Беги.

Будет ли там страда звонким зерном тучней,
К небу рванёт побег порослью молодой,
Станешь ли ты страдать лёгкой свободой дней —
Помни, что твой побег будет всегда с тобой.

Отворилась бы неба тугая упрямая твердь,
Ты тогда бы очнулся, пришёл бы на нас посмотреть:
Люди здесь заставляют друг друга вживую гореть.
Это смерть.

Ты, конечно, их души возьмёшь и воздашь по делам.
Всем достанется: старцам по ставцам, сестрам по серьгам.
И заблудшие придут ко свету, оставят бедлам...
Как быть нам?

Мы взираем на небо, а там облаков витражи.
Всякой птицы в достатке: вороны, синицы, стрижи.
Но молчит это небо, о чём ни спроси, ни скажи...
Как жить?

Ночь застыла у порога,
Ночника неярк свет.
Спи, родная, ради бога,
Даже если бога нет.

Лишь лицо луны лоснится
С не улыбчивых небес.
Спи. Пускай тебе приснится
Бог, который есть.

Смерть изъясняется на языке понятном,
Чёткие и осмысленные слова.
Жизненный шёпот тише десятикратно,
Сказанное различимо едва-едва.

В этот момент абсолютно не важно, где ты.
Страна не важна, город не важен, улица, дом...
Дом в этом смысле — всего лишь кусок планеты.
Собственно, я о том

Что не бывает хорошего или плохого,
Правильного или ложного, зла и добра.
Есть только жизнь, и это главное слово,
Есть только жизнь, и она произносит слово,
Есть только жизнь, и ты в ней — правдивое слово.
Смерть не права.

Ну и дела: покурить вышел,
а на дворе словно днём ясно.
Лунно и звёздно, и крыш выше —
облака пористого пластырь...

Ветер слегка шелестит вязом,
Птица ночная вспорхнёт с ветки...
Небо глядит тысячеглазо
пристальным взглядом, лихим, цепким.

Так и стою, поражён видом...
Кликнут из дома — поспел ужин.
С неба срываются леониды⁶
прямо в мою душу...

⁶Леониды – метеорный поток из созвездия Льва. Метеоры, сгорающие в атмосфере Земли, оставляют на ночном небе яркие огненные полосы, что в народе называется «звездопадом».

Всей-то свободы мне — вслух промолвить слово,
Да сеть дорог, и возможность по ним ходить.
Видимо, это и есть для всего основа,
Видимо, это и означает — жить.

Но наступает день, в ноябре, положим,
И застывает вокруг нерадивый свет.
Повод идти куда-то вполне ничтожен,
И для любого слова причины нет.

В осени этой увязнешь, как в донном иле.
Выбор до боли прост: глыбой льда расти,
В это безмолвие жуткое спрятавшись... Или
Выполнить шаг, слово произнести.

Эта страница пустует по задумке автора

СОДЕРЖАНИЕ

1. Я пустым переулком пройду...	5
2. Вот так живёшь, как будто понаслышке...	6
3. ...и жизнь покажется короткой, как халатик...	7
4. Крайний лист в тетрадке клетчатой...	8
5. Читалось неприметно, между строк...	9
6. Время тебя пожирает стозубым ртом...	10
7. И хочется выжить...	11
8. Можно ещё закурить сигарету...	12
9. Вечер наступает неожиданно...	14
10. Будут звонить с утра...	15
11. Только смежишь веки...	16
12. Сын собирает камушки на заливе...	17
13. Чёрной трещиной пролегла среди снегов дорога...	18
14. И тот, который снег, который лёд...	19
15. Бывает такое...	20
16. Говоришь: «В этом городе жизнь...»	21
17. Завтра же сядешь в поезд...	22
18. Река. Причал...	23
19. Это не мой дом...	24
20. Так о ком же зазвонит твой телефон...	26
21. Очевидно всё-таки одно...	27
22. Был бы, допустим, пилотом...	28
23. Это ещё оставляешь себе на память...	30
24. В том краю...	31
25. Было сказано...	32
26. Третьего дня приходила вода...	35
27. Только спустя полста хлеба сухих краях...	36
28. Отворилась бы неба тугая упрямая твердь...	37
29. Темноволосая девочка...	39
30. Ночь застыла у порога...	41
31. Смерть изъясняется на языке понятном...	42
32. Леониды	43
33. Всей-то свободы мне...	44

Литературно-художественное издание

Павел Александрович Синельников

БУНТ СЛАБЫХ

Стихи

Редактор серии *Алексей Ахматов*

Редактор *Роман Круглов*

Корректор *Наталья Огузок*

Художник *Дарья Выборова*

Подписано к печати 18.12.2015. Формат 84 × 100 ¹/₃₂.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 2,3.

Тираж 500 экз. Заказ № 212Р.

Отпечатано в соответствии с предоставленным оригинал-макетом
в типографии издательско-полиграфической фирмы «Реноме»,

192007 СПб., наб. Обводного канала, д. 40.

Тел./факс (812) 766-05-66. E-mail: renome@comlink.spb.ru.

www.renomespb.ru